Добавил(а) Социология
22.03.11 04:36 -

А. Г. Здравомыслов. Сравнительный анализ национальных социологических школ в их отношении к национальным культурам[1]

(Социологическая пентограмма: США- Германия – Франция - Великобритания – Россия)

1. Перед российской социологией в данный момент стоит сложная задача

профессионального самоопределения и автономизации при сохранении ее известной ангажированности[2]. На этом пути было сделано ряд важных шагов в 60-е (этап возрождения) и 90-е годы (распространение социологии вширь, главным образом в СМИ, в системе образования, а также благодаря мониторинговым опросам общественного мнения, превратившихся в систему). Но в то же время у нас не создана устойчивая профессиональная среда, мало профессиональных сообществ, журналов, самостоятельных исследовательских центров как отраслевых, так и региональных. Длительное время существует раскол в профессиональной среде, который не в последнюю очередь объясняется разной ориентацией базовых социологических учреждений[3]. Спрос на выпускников социологических факультетов, магистратур и аспирантур деформирован. Социология в стране в целом переживает кризис профессионального роста. Наблюдаются также весьма симптоматичные явления – паранаучные публикации и выходы за пределы социологии авторов, обладающими признанным социологическим статусом.

Одним из признаков кризиса и является дискуссия на тему о том «Может ли существовать российская теоретическая социология?»

2. Мы переформулируем этот вопрос. Существуют ли в принципе национальные социологические школы? Если они существуют (а этот тезис, как представляется, не оспаривается никем[4]), то, как они возникли? Как именно некоторые идеи и имена, возникшие в рамках определенного национального контекста, обрели наднациональное признание? Какие фигуры и какие институты содействовали этому процессу? Происходила ли при этом смена парадигм социологического мышления? И если да, то, в каком именно направлении?

Авторитетные специалисты по истории социологии (А. Гидденс, Ю. Хабермас) рассматривают социологию а качестве теории современного общества с такими его атрибутами как рынок, демократическое политическое устройство, упрочение национального государства, демократическая система массового образования. Если согласиться с этой точкой зрения, то следует признать, что социальные теории и идеи, возникшие до Конта, Д. Милля и Маркса, не относятся к социологии. Более позднее вступление России на путь капиталистического развития в сравнении с другими европейскими странами объясняет, почему в России социология как дисциплина стала развиваться с большим опозданием и, главным образом, путем освоения западноевропейских источников.

Что касается взаимоотношения национального и наднационального бытия социологии, то существуют две точки зрения по этому вопросу.

Первая состоит в том, что национальные школы существуют: социологическое мышление осуществляется в каждой из стран на своем языке; преподавание дисциплины также ведется через систему национальных образовательных учреждений; приоритетное внимание в соответствующих публикациях отдается национальной проблематике[5]

Вторая позиция состоит в том, что наука вообще, в том числе и социальная наука, является наднациональным феноменом и интернациональным достоянием. Как утверждает Р. Мертон, «универсализм, коммунизм, незаинтересованность и организованный скептицизм определяют этос современной науки»[6].

Однако если принять вторую точку зрения, то и в этом случае возникает вопрос: как осуществляется взаимодействие между дисциплинами, претендующими на наднациональное существование, и формами социологического мышления, развивающими в рамках национальных культур?

Вторая часть этого вопроса заключается в необходимости постоянно ощущать движение социологической мысли в самой широкой постановке вопроса, связанной с осмыслением пределов самого социологического мышления. В ходе постоянных дискуссий социология меняет свой предмет и это особенно значимо в эпоху перехода от классики к модерну и от модерна к постмодернизму. В какой-то мере это совпадает с эпохами европейского исторического развития – от предвоенной ситуации к послевоенному периоду, от дуальной системы мира к его современному состоянию. При этом в постмодерне обнаруживается комплекс необъяснимых явлений, выходящих за пределы социологической рациональности. Некоторые авторы говорят о наступлении новой магической эпохи.

3. Сама постановка этих вопросов предполагает формулирование гипотез,

направленных на прояснение взаимодействия национальных школ в социологии. При этом мы ограничимся несколькими странами, в которых развитие социологии приобрело достаточно отчетливые и более или менее законченные формы. Мы выделим четыре страны – США, Германию, Францию и Великобританию и попробуем осмыслить некоторые линии воздействия социологии этих стран на положение дел в отечественной социологии. Этот анализ может теперь опираться на обобщение огромной работы, проделанной за последние годы российскими социологами по имплантации соответствующих социологических идей на российскую почву и, соответственно, и на самооценку этой культуртрегерской миссии самими участниками процесса, к которым относятся в первую очередь Г. М. Андреева, Ю. Н. Давыдов, П. П. Гайденко, А. Б. Гофман, Л. Г. Ионин[7], А. Д. Ковалев и М. С. Ковалева, Н. И. Лапин[8], И. С. Кон, И. Ф. Девятко, Е. В. Осипова и Г. В. Осипов, Н. А. Шматко и Ю. Л. Качанов, А. Ф. Филиппов и С. Н. Баньковская, Н. Е. Покровский, В. Г. Николаев, В. Н. Фомина, А. И. Кравченко, В. В. Козловский, В. А. Ядов, и другие. В настоящем докладе представлены лишь предварительные контуры такого анализа.

4. История национальных социологических школ может быть адекватно представлена лишь в контексте истории соответствующей страны. При этом важно осмыслить, как решающие события общественно-политической истории страны стимулировали (или блокировали) социологическую мысль и задавали ей определенное направление. Эта гипотеза может быть подтверждена с достаточной убедительностью при сопоставлении особенностей развития главных национальных социологических школ. Так, необходимость выхода из экономической депрессии конца 20-х годов стала мощным стимулом развития социологии в США. Д.юркгейм – активный дрейфусар своего времени, - переосмысливая историю Франции, формулирует главную идею своей социологии – идею солидарности. Заметим, что в отличие от России социология в этих странах не подвергалась каким-либо видам репрессий.

Потребность в развитии демократических институтов стала доминирующим фактором развития и распространения социологического мышления в СССР и России в конце 50-х годов и с середины 80-х по настоящее время. В Великобритании таким фактором стала задача послевоенной стабилизации, которая и породила потребность в институционализации социологии в 50-е годы[9]. В то же время для нас особенно важно выработать социологическую (неполитологическую) интерпретацию самой российской истории и, прежде всего, ее советского периода. Наиболее близко к решению этой задачи подошли Н. Н. Козлова, Л. Г. Ионин, Ю. А. Левада.

5. Во всех случаях социология в конкретных странах в ходе своего утверждения опиралась на те формы социального мышления, которые были присущи именно данной стране. В концентрированном виде соответствующие формы мышления были выражены в философской культуре. Американская социология опиралась, прежде всего, на прагматизм[10], английская – на эмпиризм, социология во Франции на традиции Просвещения и на политическую философию. Становление российской социология в дореволюционный период было связано с философско-политическими дискуссиями на тему о перспективах и судьбах России. С 40-х годов XIX века эта тема становится постоянной в российском социальном мышлении. Обособление же социологии в нашей стране было связано с возникновением исследований теоретико-эмпирического характера, направленных на осмысление более конкретной проблематики.

6. В связи с проблемой взаимодействия социологии и культуры необходимо провести различения двоякого рода. Во-первых, при сравнении национальных школ между собою выявляется четкое различие в соотношениях теоретического и эмпирического дискурсов. Каждая из национальных школ предоставляет собственную систему взаимоотношений между эмпирическим и теоретическим знанием. При рассмотрении этой стороны вопроса в некоторых отечественных публикациях проводится весьма жесткое различение между социологией теоретической и эмпирической.[11]

Во-вторых, необходимо провести границу между социологией в узком смысле слова как дисциплиной академического плана и собственно социальным мышлением, которое осуществляется в самых разнообразных формах.

7. Было бы ошибочным прямо выводить направления социологической мысли и

практики исследований из политической ситуации. Важным фактором ее развития является освоение социологией общего культурного этоса данной страны. Именно благодаря культурному бульону происходит формирование запроса со стороны общества на разработку определенных социологических идей. В свою очередь разработка этих идей вписывается в культурный процесс данного общества, становятся его частью. В конечном счете, культурное брожение совместно с социальным осмыслением проблематики приводит к формулировке ценностных ориентиров в обществе.

В американской культуре XX века наиболее отчетливо выражена социологическая составляющая. В европейской культуре ситуация различается в разных странах: во Франции в интеллектуальных кругах доминирует светское мышление, в то же время здесь четко формулируются политические позиции и оценки; в Германии сохраняются традиции философствования, дополненные практикой вытеснения нежелательной проблематики; в Англии Social Science culture тесно связана с практическими задачами социальной политики. Явные признаки деградации российской культуры (в рамках которой доминировало литературно-художественное освоение мира) объясняются подчас с помощью постмодернизма и глобализации.

Культурные императивы общества определяют границы мышления, а институциональные структуры - варианты национального бытия социологии.

8. Что касается независимости социологического дискурса, то во всех странах он обеспечивается своеобразной автономией системы образования, организации исследований и издательского дела.

9. Вместе с тем, необходимо помнить, что каждая из национальных культур, имея в своей основе некоторое ядро, подвержена изменениям как в силу влияния динамики внутренней проблематики, так и в результате глобалистских тенденций.

10. Национальные школы:

Попытаемся с учетом высказанных выше соображений дать предварительную характеристику имеющихся национальных школ. Здесь есть одна трудность: желательное изложение проблемы должно было бы строится следующим образом:

- характеристика культурных традиций данной страны в аспекте их влияния на социологию;
- характеристика социологии в ее стремлении соединить проблематику национального государства с проблематикой глобального порядка;
- вычленение тех идей соответствующих социологов и национальных школ, которые имеют преимущественное значение для осмысления российской проблематики.

На данном этапе реализация этого замысла не представляется возможной. Поэтому мы ограничимся лишь отрывочными соображениями по намеченным вопросам.

10-1. США

Американская культура – представляет собою наиболее динамичное образование и динамичность эта обусловлена не только стремлением строительства новой нации, но и прагматизмом как базовым элементом ценностного сознания американцев.

Этот прагматизм прежде всего обнаружился в Чикагской школе, которая во многом определила тип социологического мышления в США – его союз с грязекопателями в журналистике, и ориентацию на исследования проблем иммиграции и трущоб. На этой основе сформировался союз В. Томаса и Ф. Знаниецкого (10-е годы). В. Томас дал определение важнейшей категории американской социологии . Это было не «общество», не «прогресс с его стадиями» и не «борьба классов и идеологий», а «социальная ситуация», данная каждому человеку в его собственном опыте. При этом «если ситуация воспринимается как реальная, то и последствия ее станут реальными». Весьма реалистическая философия, включающая в себя бесспорный оптимизм.

Окультуривание американской социологии было связано с деятельностью Т. Парсонса, который включил в структуру социологического образования в Гарварде М. Вебера, Э. Дюркгейма, А. Маршалла и В. Парето. Заметим, что такой отбор означал включение именно европейских мыслителей из четырех стран, наиболее полно разрабатывавших то направление социальной мысли, которая оказалась близким самому автору «Структуры социального действия» (1937). И хотя в этой работе содержатся ссылки и на П. А. Сорокина, но он не попадает в число предшественников классиков не только в силу личных причин, но и главным образом в силу иной мировоззренческой установки.

Ныне в США социология – официально признанная доминирующая дисциплина социального мышления, наука, представляющая некие рамки интерпретации коренного мировоззренческого вопроса о соотношении Я и Общества, индивидуума и социума. Содержание интерпретаций различно, но сам этот вопрос поставлен вместе с вариантами ответа:

(1) структура, стратификация, ролевые предписания – социализация, освоение заданных ролей, адаптивность, девиантность, социальный контроль - (AGIL);

(2) социальность как восприятие другого, сложная структура Я и его презентации, моего взаимодействия с Другим, конструирование собственного микромира;

(3) становление моего Я через систему групповых конфликтов и идентификаций.

Но смысл состоит в том, что комбинация структурно-функционалистских параметров и параметров символического взаимодействия предлагает рамки практического разума, обоснования выбора вариантов поведения в море разнообразных ситуаций макро-, мезо- и микро-уровня.

Само понятие социального действия становится теперь главной категорией социологической теории (социальная ситуация – снята в нем как момент) и в этом качестве методологическим основанием всей совокупности общественных наук.

Парсонс и неопарсонсианцы выделяют при анализе этой категории компонент смысла. Современная критика указывает на недостаточность этого подхода и обращает внимание на необходимость уяснения причин социального действия[12]. Можно было бы продолжить анализ этой неисчерпаемой темы, но я обращаю внимание на концепцию разделения явных и латентных функций и, в особенности, на необходимость социологического анализа непредвиденных последствий реализуемых социальных действий, высказанную Р. Мертоном.

Р. Мертон является автором и другой идеи, имеющей огромное значение для современной социологии – это идея амбивалентности мотивации действия, которая в известном смысле противостоит концепциям рационального выбора, распространенным в американской социологической литературе. Н. Смелзер в упомянутом выше докладе разрабатывает эту тему более основательно на различных уровнях – от психологического до социетального. Он подчеркивает необходимость дополнения постулата рационального выбора постулатом амбивалентности, которая пронизывает все человеческие действия и отношения. По мере исследования соотношения рациональности и амбивалентности в различных аспектах жизни общества становится ясно, что «мы имеем здесь дело с фундаментальной дилеммой человеческого существования, которая обнаруживает себя в различных дихотомиях: свобода versus ограничения, независимость versus зависимость, автономия versus зависимость, зрелость versus состояния детства и т. д. При этом, какова бы ни была эта дихотомия, сама дилемма оказывается неразрешимой. Ни один из полюсов не существует самостоятельно. Ни свобода, ни зависимость не могут быть осуществлены полностью в силу того, что одно есть лишь часть другого. Люди стремятся и к тому, и к другому, но когда они достигают одного из полюсов, другой начинает о себе заявлять. Такова природа амбивалентности: мы хотим того и другого сразу, но не можем полностью удовлетворить ни одну из сторон»[13].

Эта методологическая позиция позволяет Смелзеру подойти к анализу проблемы соотношения свободы как базовой ценности европейской и западной культуры и национального государства, проблемы, весьма существенной для российской социологии и политики.

Наряду со Смелзером главными фигурами сегодняшней американской социологии выступают Джеффри Александер, Рендалл Коллинз, Джордж Ритцер.

10-2. Германия

Немецкая культура по общему признанию чрезвычайно противоречивая вещь. Она дала миру классиков просвещения в лице Гёте и Шиллера, она же породила и классику антропологического национализма или националистической антропологии, что оказало гораздо большее влияние на смятенные умы немцев, побежденных в первой мировой войне. Значительная часть немецкой культуры эмигрировала в годы нацистской диктатуры. Одна из ветвей этой эмиграции произвела классическое социологическое исследование "Авторитарная личность" (Т. Адорно и др.). Хотя исследование было осуществлено в США, оно все же может рассматриваться как произведенное на

немецкой почве. Ибо травма от антисемитизма была движущей силой этого замечательного произведения, в котором раскрывался психологический механизм формирования этноцентризма и сопровождающих его фобий.

Как известно, одной из доминирующих тем в историко-социологической литературе является тема чередования марксистского и веберовского реннесансов[14].

С 30-х годов прошлого столетия Вебер становится фигурой интернационального масштаба. В этом отношении его можно приравнять к Марксу, который сразу же утвердился в качестве такового. Вместе с тем, следует заметить, что и Маркс, и Вебер по своему происхождению являются немецкими социологами, возросшими на почве противоречий немецкой политической жизни и культуры. И тот, и другой стали классиками социологического мышления. Дальнейшее развитие немецкой и мировой социологии отмечено чередующимися влияниями неомарксизма и неовеберианства.

М. Вебера трудно сопоставить с каким-либо из российских мыслителей. Он непохож и на американских социологов. В отличие от Маркса он - типичный представитель академической социологии, не вовлеченный непосредственно в политическую борьбу. Веберовская социология формируется на немецкой почве, в контексте развития неокантианства как антигегелевской трактовки познавательного процесса. Именно здесь мы находим тот культурный бульон из которого образуется весьма приемлемая пища веберианства. Правда, политическая ситуация, связанная с поражением Германии в первой мировой войны надолго отодвинула спрос на веберовскую проблематику в самой Германии. Веберу, в отличие от Маркса, не удалось дожить до мировой известности и признания своих идей. Признание это пришло значительно позже.

Можно считать, что открывателем Вебера был сравнительно молодой в начале 30-х годов американец, приехавший по поручению Гарвардского университета изучать немецкую социологию. Талкотт Парсонс нашел золотую жилу - бесконечный источник переопределения дефиниций, которые он препарировал под интересующим его углом зрения. Этот угол зрения был связан с определением социального действия как клеточки общественных связей и отношений. Парсонс переселил покойного в США, и сделал его кумиром американской академической социологической культуры, из которой некоторое время спустя (уже после Второй мировой войны) Германия вновь обрела теперь уже международного социологического кумира.

Научные интересы Вебера в значительной мере формируются в связи с тем, что за полвека до начала его академической карьеры Маркс и Энгельс оставили огромное научное наследие, нуждавшееся в осмыслении и переосмысление с позиций "нормального" развития немецкого и европейского общества[15].

Марксизм, пустивший глубокие корни в немецком и общеевропейском социал-демократическом движении, вел эти страны в сторону революционных преобразований. Были ли другие варианты развития? М. Вебер показал, что может быть предложено иное понимание основных категорий, выработанных марксизмом: капитализм, феодализм, классовое положение и классовые интересы, идеологическая

борьба (сквозь призму материальных и идеологических интересов), соотношение политики и научного знания, механизм формирования массового сознания и т. д. - все это было переопределено М. Вебером. В то же время Вебер вводит новые категории, задающие новые рамки исследовательской деятельности. Среди них центральное место занимает категория рациональности, которая впоследствии приобретет статус центральной (одной из центральных) категорий социологического дискурса[16].

М. Вебер не вступал в прямую полемику с марксизмом. В отличие от Маркса он не стал концентрировать свое внимание лишь на европейском развитии, а обрисовал контуры мировых цивилизаций (Индия, Китай, Древняя Палестина, Античный полис), При их исследовании он обращал внимание на структуру общепринятых ценностей (религиозных воззрений), скрепляющих эти общества и обеспечивающих относительную стабильность соответствующих культур, несмотря на постоянный антагонизм внутренних группировок в борьбе за власть и влияние в обществе. Вебер в основном опирался на исторические исследования своих современников, он показал те ресурсы устойчивости общественных взаимоотношений, которые классический марксизм игнорировал. Так, Вебер не стал заниматься изучением истории крестьянской войны в Германии[17], он прямо перешел к проблеме организации промышленного предприятия как основной структурной единицы капиталистического общества. Он сделал акцент не на вопросах эксплуатации, получения прибыли, цены товара "рабочая сила", а на нравственном значении трудовой деятельности, освященной протестантской этикой. Во главу исторического процесса он поставил не развитие производительных сил и производственных отношений, а формы религиозного сознания, которые, по его мнению, детерминировали практическое поведение людей в их повседневной жизни.

"Позитивной" идеей Вебера стала идея национального государства как способа позиционирования Германии в мире. Такая идея воплощала весьма значимое политическое содержание. Она дополнялась концепцией исключительной легитимности применения насилия на своей территории со стороны этого национального государства, а, следовательно, обосновывала и легитимность войн между государствами в случае возникновения конфликта их интересов. Подчинение господствующему классу было обусловлено, по Веберу, не только насилием как таковым, но и согласием граждан данного государства с наличным государственным строем.

Послевоенная Германия характеризуется географическим разделением двух немецких культур. Германия потерпела поражение более охотно воспринимаемое как поражение от "правильных союзников", нежели чем от "коммунизма". Но это было не просто поражение, но и катастрофа, наиболее остро переживаемая как катастрофа европейской культуры вообще. В противоположность этой позиции в Германии высказывалась и иная мысль – о самом нациоал-социализме как источнике катастрофы и о спасительной миссии Советской России (Т. Манн, А. Вебер[18]).

На чем сосредотачивается социологическая мысль в низшей точке этой катастрофы? На проблемах культуры, взаимоотношения массы и элиты, на вопросах воспитания нового человека, затем уже на вопросах преодоления травмы психологической и социально-культурной[19].

В социологии объединенной Германии можно отметить символические фигуры Ю. Хабермаса, с одной стороны, а с другой Г. Шельского -крупного теоретика в области институцирнальной социологии и специалиста по организации национального образования.

10-3. Переместимся во Францию.

Во французской культуре гораздо четче обозначаются параметры личностного пространства. Франция – родина Просвещения – наиболее влиятельного интеллектуального движения в истории мировой культуры. Она, как и Германия, страна с богатой философской традицией.

В те же годы, когда в Германии писал свои первые исследования об устройстве римских городов М. Вебер, во Франции начинала всходить звезда другого неутомимого труженика социологии Э. Дюркгейма. Он был гораздо ближе к левому флангу политической ориентации, чем его немецкий коллега. В своих научных изысканиях он первым сформулировал тезис о специфике социологического знания. Прежде всего, он провел границу между психологией (в лице Тарда) и социологией, которая изучает "общество как реальность особого рода", несводимую к сумме индивидуальных психологических переживаний и побуждений к действию. Особое значение в социологическом восприятии мира приобретает понятие "социального факта", который представляет собою нечто гораздо более устойчивое, нормативное, повторяющееся, массовое, нежели индивидуальное стремление. Отдельное самоубийство - во многом результат стечения обстоятельств, дело случая, но когда национальная статистика фиксирует из года в год повторяющиеся соотношения в количестве самоубийств между мужчинами и женщинами, между представителями разных культур и религиозных вероисповеданий, когда обнаруживается зависимость числа этих событий от возраста и т. д., то это значит, что мы имеем дело с социальными фактами. Так начинается дюркгеймианская традиция во французской социологии, которая характеризуется подчеркиванием идеи органической солидарности - важного сцепляющего механизма в современном обществе. Именно в этой связи формулируется концепция нормативности и девиации, поощрения и наказания (столь понравившаяся П. Сорокину), а в последующем уже у Парсонса - идея социального контроля. Французская социология прошла длительный путь после "Элементарных форм религиозной жизни", раскрывших социальную значимость совместных ощущений, совместного переживания в ходе исполнения некоего установленного обычаем ритуала. Здесь корни теории идентификации и идентичности: основания отождествления себя с некоторым "Мы", то есть увеличение самого себя, выявления во мне некоего внетелесного бытия.

Теперь во Франции даже не модно говорить о французской социологии, о традициях Дюркгейма и Мосса, даже о структурализме Леви-Стросса, поскольку социология, превратившись в подлинно автономное поле деятельности (исследовательской и преподавательской) дифференцировалась внутри себя на несколько течений, обозначенных именами-символами Р. Будона, М. Крозье, А Турена, М. Фуко. Они действительно весьма существенно отличаются друг от друга. Социологический номинализм и позитивистская ориентация характеризуют первого, второй известен как

аналитик бюрократии и менеджмента, третий - представитель активистской социологии и теоретик социальных движений, инициировавший опыт исследования польской "Солидарности" и шахтерских забастовок в конце 80-х годов, оказавшихся важным орудием в ниспровержении режима М. Горбачева.

Но наибольшее влияние на развитие современного социологического мышления оказали работы Пьера Бурдьё. В России есть группа последователей выдающегося французского социолога.

Есть ли связь французской социологии с французским национальным характером? С французской культурной традицией, с культурным бульоном?

Франция - исключительно политизированная страна. Термины "левый" и "правый" имеют здесь вот уже около 200 лет вполне определенное значение. В отличие от России, где коммунисты могут быть националистами. Во французской терминологии это не может быть воспринято и понято. Коммунист - это интернационалист. Четко обозначены границы политических полей, капитала (культурного, социального, экономического). Да, они могут обмениваться друг на друга, но это не означает изменения политической определенности взглядов участников обмена. Правила игры - исключительно важны в культурной традиции. Стиль одежды и поведения говорят о человеке больше, чем его слова. Очень четко проводится разделение между светской и религиозной культурой.

Distinctions- различения - вот главная ориентация современной французской социологии.

10-3. Социология за Ла-Маншем.

Великобритания – страна не менее великой культурной традиции. Множество тех вопросов, которые были поставлены в континентальной культуре лишь в XIX веке, в Англии рассматриваются в начале века XYII. Речь идет о Шекспире, сформировавшим своего рода образцы социально-психологического анализа мотивации поведения людей в борьбе за власть, наследство, в разрешение извечной проблемы долга и личной заинтересованности, противостояния благородства и подлости. Шекспир – один из главных предметов образования и в современной Великобритании и это, несомненно, влияет на формирование национального социологического мышления.

Герцен дал удивительно емкую характеристику английского общества середины XIX века[20]. "Мой дом - моя крепость" - означает полную терпимость к мировоззренческим позициям других. Социологический капитал Великобритании не столь ярок, как во Франции, и тем более не столь принудителен. Но весьма основателен. Д. С. Милль соперничает с О. Контом в изобретении термина "социология". Традиции изучения классового положения, классов в связи с практической социальной политикой, стабильное политическое устройство и рациональные изменения государственной власти (пример Черчилля, отправленного в отставку с поста премьер-министра еще до окончания войны в предвидении того, что восстановление мирной жизни потребует иных человеческих качеств, чем качества того, кто был вождем нации во время войны).

Проблема свободы личности получила в Великобритании особое звучание еще в колониальный период. Именно эта проблема стала основой английской экономической науки классического периода. А. Смит и Д. Риккардо стали идеологами "робинзонады" - понимания общества как суммы индивидумов, вступающих друг с другом в договорные отношения. Вторым постулатом экономической классики стала теория рынка в своеобразной интерпретации. Классики исходили из предпосылки равенства участников акта купли-продажи. Между этими акторами был лишь один посредник - цена товара и деньги покупателя - "предложение и спрос". Это была идеальная модель, которая могла быть мощным объяснительным инструментом для условий данного момента и данного времени. Но в перспективе для анализа динамики самих рынков, для определения взаимоотношений между производством и потреблением, между простым и расширенным воспроизводством, для определения источников капиталовложений и их направленности эта концепция не работала.

Маркс создал учение о прибавочной стоимости, которое было гораздо более реалистичным, поскольку оно исходило из идеи исходного неравенства участников рынка. Капитал и труд, хотя они и сопоставляются друг с другом на рынке труда, не обладают равными ресурсами. Труд живет в расчете от одной рабочей недели до другой, его горизонт простирается от зарплаты до зарплаты, а капитал рассматривает свое бытие в масштабе поколений (Р. Титмус). Это основное различие мотивации деятельности субъектов, которое корректирует теорию рынка, и требует социальной компенсации. Маркс полагал, что это противоречие будет разрешено с помощью обобществления труда и средств производства. Его теоретическая конструкция была моделью разрешения этого противоречия. Но вопрос оказался сложнее.

Практические противоречия английского капитализма были определены новой экономической наукой в лице А. Маршалла и его школы. Важно отметить, что Маршалл, который никогда не называл себя социологом, был возведен в этот ранг никем иным как Парсонсом. Именно Маршалл обратил внимание на проблему бедности, которая, как он полагал, имеет гуманитарное содержание. Общество, в котором бедность воспроизводится от поколения к поколению, не может считаться цивилизованным.

По Марщаллу и Найту стабильное государство имеет четко очерченные функции, вопреки идеям либералов.

В одной из недавно вышедших работ историк британской социологии А. Халси выделяет семь значимых социологических имен в университетах страны: З. Бауман, Кроуч (Crouch), А. Гидденс, Д. Плат, Oakley, Runciman, Westergaard[21].

11. Путь к профессиональной социологии оказался в России гораздо более сложным, чем в других европейских странах и США, прежде всего потому, что российская культурная традиция была ориентирована не на прагматизм и эмпиризм, а на более абстрактные идеи, например, на идею справедливости, на преодоление социального неравенства. В ней гораздо прочнее укоренены конструкции, стимулирующие надежды на желаемое, но недостижимое. Наконец, российская культура, даже в ее светских проявлениях, ориентирует на чувственное восприятие мира и на переходы от одной

крайней интерпретации к другой (Инверсия, по Ахиезеру). В конце 80-х- начале 90-х годов была осуществлена такая инверсия, равная идеологическому перевороту (Ионин). В российской культурной традиции нет и того жесткого запрета на насилие, которое связано с идеей личной свободы и личного достоинства - идеями, которые стали получать распространение лишь немногим более ста лет тому назад и именно через русскую литературу, а не через правовое сознание.

Рассматривая процесс становления социологии как самостоятельной профессии, можно выделить шесть этапов.

На первом этапе социальная мысль сливалась с общекультурным процессом. Это особенно ярко прослеживается на истории "Современника" - одного из первых российских изданий, на страницах которых обсуждались кардинальные социологические идеи еще до того, как совокупность этих идей и дискуссий приобрело название "социологии". Несомненно и то, что "Колокол" и "Полярная звезда", выходившие в Лондоне, решительно способствовали пониманию того, что представляет собою российское общество не только как совокупность политических и социальных институтов - монархии, крепостного права и православной церкви, - но и как определенная культурная традиция, формирующая и воспроизводящая разнообразные личностные типы, мотивированные не только смирением с крепостнической зависимостью, но и крайними формами индивидуального и коллективного протеста против угнетения.

С этой точки зрения А. Герцен выступил как первый российский социолог. Его "Былое и Думы" воспроизводит картину социальной жизни и социальных отношений не только в России, но и в основных европейских странах. И всюду его внимание приковано к тому, как правительство и политические деятели воспринимают интересы простого народа, к анализу европейкой политики, пережившей опыт революционной борьбы 1848 года, к судьбам основных социальных идей и конкретных персонажей - русских, немцев, итальянцев, французов. Всюду Герцен прослеживает социальное расслоение общества и идейные противоречия, возникающие в эмигрантской среде. Он предпринимает основательный социологический и психологический анализ идеологов и политиков разных стран. Биографические портреты его строятся на анализе конкретных событий, в которых участвовали люди, о судьбе и действиях которых он размышляет в своих Думах. Они избираются не случайно, а как главные акторы идейных, освободительных и революционных движений своего времени - Мадзини и Гарибальди (Италия), Ледрю-Роллен, Луи Блан и Бланки (Франция), Бернацкий и Ворцель (Польша), Кошут (Венгрия), Белинский, Огарев, Бакунин (Россия). Вряд ли кто-либо может оспорить мысль, что в "Былом и Думах" нашел блестящее применение биографический метод, который используется как средство понимания не только отдельных жизненных историй, но и как средство понимания современного Герцену европейского мира[22].

Следующий шаг в развитии российской социологии связан с деятельностью Михайловского и Лаврова как лидеров народнического движения 80-х - 90-х годов. Именно в текстах этих авторов обнаруживается знакомство с европейской социологической литературы своего времени. Прежде всего, их внимание привлекает

задача построения научной картины жизни общества на основе идей О. Конта и Г. Спенсера.

Одновременно в России формируется интерес к творчеству Маркса и марксизму. В рамках выработки революционной программы российских преобразований разгорается нешуточная полемика между народниками и социал-демократами. Каждое из этих направлений опирается на собственную версию социологии. Народническая литература опирается на социологию, трактующее "общество вообще". Социал-демократия опирается на марксистское понимание общества, его классовой структуры и причин социальных изменений. Французская революция 1789-1793 года, перепугавшая все монархии мира, становится для этого направления своеобразной моделью для подражания. Все сознательные силы российского общества – в том числе и те, кто, как П. Сорокин, выступают на стороне определенной политической партии, - так или иначе, вовлекаются в осуществление революционной драмы. Одни становятся победителями, другие – жертвами. Повторение Французской революции в России становится гораздо более кровавым и драматичным, а гражданская война продолжается в сталинском терроре.

Первый профессиональный российский социолог М. М. Ковалевский скончался за год до начала революционных событий. Дальнейшее судьбы социологии в России теснейшим образом сопряжены с продолжающейся классовой борьбой: П. Сорокин против Н. Бухарина, Н. Бухарин против И. Сталина, И. Сталин против В. Ленина: политические позиции меняются как в калейдоскопе.

Традиции социологического мышления сохраняются до конца 20-х годов. Сорокин продолжает публиковать свои работы в журнале «Экономист» вплоть до момента его высылки из Советской России. После акции 1922 года в журнале «Под знаменем марксизма» публикуются работы Неусыхина о М. Вебере, в конце 20-х годов издается первый том С. Оранского (из намеченных трех томов) и эмпирическое исследование Е. О. Кабо «Очерки рабочего быта». Работа Н. И. Бухарина «Теория исторического материализма. Популярный очерк марксистской социологии»[23] была опубликована в 1921 году и ежегодно переиздавалась вплоть до 1929 года.

Что же происходит с социологией в начале 30-х годов? Сам термин «социология» изгоняется из научного и политического лексикона на основе того аргумента, что любая социология служит интересам буржуазии. Издания социологической литературы запрещены. Марксисты, употребляющие этот термин, подвернуты репрессиям. Н. И. Бухарин исключен из состава политического руководства, и в 1938 году расстрелян как «враг народа». Его имя и публикации так же, как имена Троцкого, Зиновьева и других лидеров Октябрьской революции запрещены. Сталин, добившийся к середине 30-х годов абсолютной личной власти, устанавливает жесткий контроль над всеми видами печатной продукции и устной политически значимой речи. Но поскольку в любом обществе сохраняется потребность в объяснении социума, постольку сам вождь создает канон для интерпретации как революции, так и всей истории человечества[24], которая, согласно этому канону, неуклонно движется к коммунизму в мировом масштабе, и страна Советов выступает в качестве лидера в этом процессе.

Лишь в конце 50-х годов – после смерти Сталина - появляются первые ростки социологии как самостоятельной дисциплины. Изменение политической ситуации (1953-1956) создает предпосылки для автономизации профессиональной социологии на основе постепенного отхода научного знания от идеологии[25], а культуры от политики. В это время социология становится общественным движением, в сознательную жизнь входят социологи-шестидесятники. Их исследовательская работа оказывается важной составляющей общекультурного процесса этого яркого периода в жизни советского общества. Несомненно, что жизненный путь шестидесятников во многом определился тем, что через их биографию прошла война.

Социология шестидесятых сыграла важную роль в стимулировании перестройки (доклад Заславской 1983 года), в ходе которой были созданы новые условия существования самой дисциплины. Именно в этот период социология стала предметом преподавания в системе высшего образования, был создан Мониторинг, открыты новые каналы профессиональной социализации.

Обратим внимание на некоторые направления и идеи теоретического характера, заслуживающие специального внимания.

Нынешняя наша ситуация характеризуется не только полипарадигмальностью, но и существованием анклавов французской, немецкой, американской, английской социологий в пространстве российской общественной мысли.

В этой связи вновь возникает вопрос, поставленный в самом начале доклада: может ли существовать теоретическая социология в России, основная проблематика которой была бы нацелена на анализ российских проблем? Из сказанного выше напрашивается следующий ответ на этот вопрос. Существовать российская теоретическая социология может, и она на самом деле существует, но она существует не как самоизолирующийся способ рассмотрения социальных проблем, а как движение мысли в рамках современного социологического дискурса, выходящего за пределы отдельной страны, которая в силу вызовов современной жизни сама прекращает изолированное состояние.

Полагаю, что наиболее конструктивным является поколенческий подход в оценке современной российской социологии. К социологам – шестидесятникам еще активными по настоящее время относятся В. А. Ядов, Н. И. Лапин, И. С. Кон, Т.. И. Заславская, О. И. Шкаратан, И. В. Рывкина, Л. М. Дробижева, автор этих строк, каждый из этих авторов опирается на собственную теоретическую конструкцию, которая не во всех случаях является эксплицированной[26].

Следующее поколение – примерно на 20 лет моложе – представлено А. Ф. Филипповым (социология пространства), Л. Г. Иониным (социология культуры и вступления мира в «магическую эпоху»), Н. Е. Покровским (процессы глобализации), В. В. Радаевым (экономическая социология), Н. Н. Козловой (социология повседневности), И. Ф. Девятко (история социологии и методология исследований), В. И. Ильиным (социальная структура) и многие другие. В данном случае выделение имен осуществлено на основе определенного теоретического ресурса, которыми располагают обозначенные авторы.

К сожалению, этот ресурс не является взаимопризнанным, в результате чего и возникает тезис, что теоретической социологии в России не существует (А. Ф. Филиппов, Л. Г. Ионин).

26.08.05. А. Здравомыслов

Передан для размещения на сайте Института социологии РАН 28.09.2008.

[1] Доклад, вынесенный на обсуждение на семинаре сектора теории и истории социологии (И. Ф. Девятко) 2 сентября 2005 года (с незначительными изменениями). Подготовлен при финансовой поддержке РГНФ, грант № 03-03-00073а.

[2] Следует заметить, что политическая ангажированность – национальная черта российского социального мышления, препятствовавшая становлению профессиональной социологии в России. Сейчас очень важно понять внутренние дифференциации на самом поле социологии и добиваться упрочения профессиональных позиций, которые до сей поры ставятся под сомнение.

[3] Противоречивая оценка состояния дисциплины дана в докладе Д. Л. Константиновского, А. А. Овчинникова, Н. Е. Покровского Программы Национального фонда подготовки кадров и обновление социологического образования в России. СЖ, 2004 № 3-4.

[4] См. , напр., А. Б. Гофман, А. Ф. Филиппов, А. И. Кравченко о французской, немецкой, американской социологии в «Истории теоретической социологии» под ред. Ю. Н. Давыдова, т. 1./ раздел 3, «Становление региональных социологий» и последующие тома.

[5] Как отмечают многие признанные авторитеты современной социологии, одна из главных принципов организации современного общества состоит в идее национального государства: «идея современного национального государства (the modern nation-state--la patrie) стала современной основой политической интеграции. Национальное государство воспринимается ныне как единственный носитель суверенитета и управления, как некая территория, имеющая свои границы, как локус экономической самодостаточности, как монопольный носитель легитимного применения силы и насилия, как центр общей культуры (включающей язык), как объект лояльности и групповой идентичности». /N/ Smelser. The rational and the ambivalent in the social sciences: 1997- presidential address/ American Sociological Review. V. 63, n. 1 (Feb 1998).

[6] R/ K/ Merton/ Social Theory and Social Structure/ The Free Press, Glencoe, Ill/1957, p/ 552-561/

[7] Обратим внимание на ряд публикаций этого автора «Философия и методология эмпирической социологии»,М. Издательский дом ГУ ВШЭ 2004., которая выходит далеко

за пределы «Учебного пособия». Другая работа «Парадоксальный сон». «Университетская киига» 2005, в которой собраны наиболее важные публикации того же автора с 1997 года. Л. Г. Ионин – руководитель проекта «Школы и направления эмпирических исследований в социологии», осуществленного издательством ГУ-ВШЭ.

[8] См Н. И. Лапин «Эмпирическая социология в Западной Европе» М. Издательский дом ГУ ВШЭ 2004, где впервые сознательно проведен принцип страноведеческого подхода к социологии и на этом основании представлены эмпирическая социология во Франции, Англии, Германии. Книга Н. И. Лапина вышла в рамках вышеназванного проекта проекта.

[9] Halsey A, H. A history of sociology in Britain: Science, Literature and Society. Oxford Un. Press. 2004. (СЖ. 2004, № 3-4, стр.218.)

[10] В литературе отмечается связь чикагской школы с прагматизмом Джеймса и Дьюи, в то же время при рассмотрении истоков американской социологии необходимо отметитьсильное влияние протестансткой этики.

[11] Так, в упомянутой коллективной монографии «История теоретической социологии» (под редакцией Ю. Н. Давыдова) вопрос о взаимоотношениях между теоретическим мышлением в социологии и эмпирическими исследованиями не возникает. При этом границы теоретической социологии часто нарушаются за счет вступления на поле философии (например, В. Соловьев представлен в виде российского социолога). В учебнике Н. И. Лапина проводится жесткая граница между эмпирической и теоретической социологией – первая имеет дело с «фактами», вторая - с «идеальными типами». (Ук. Соч., стр.20).

[12] См., например, И. Ф. Девятко. Критика старых и поиск новых моделей объяснения в посткризисной социологической теории История теоретической социологии т. 4., СПб. 2000, стр. 423-435.

[13] См. Н. Смелзер. Ук. Соч. Приведем здесь аналогичное высказывание, но уже российского автора: «Не бывает расчетливости без лихорадки, рефлексии без аффекта, бесхарактерности без героизма, цельности без фрагментарности и т. д. Не бывает, наконец, того, чтобы ценности не оправдывались жертвами (а не наоборот, что казалось бы более естественным» . А. Ф. Филиппов. Категория «современности» в зеркале социологической классики/ История теоретической социологии СПб, 2000, с. 593. Последняя реплика, на мой взгляд, представляет собою ответ автора на вопрос поставленный Ю. Н. Давыдовым в его книге «Макс Вебер и современная теоретическая социология. М. 1998, стр. 457.

[14] См. Ю. Н. Давыдов Макс Вебер и современная теоретическая социология. М. 1998

[15] Вопрос о соотношении веберианства и марксизма, как видно из литературы по истории социологии, не имеет однозначного решения. Точка зрения автора по этому вопросу сформировалась в начале 80-х годов. См. Предисловие к книге Д. Льюиса. Марксистская критика социологических концепций Макса Вебера: М., Прогресс, 1981.

[16] Не лишне напомнить дискуссию, проведенную Профессиональной социологической ассоциацией в 1996 г. «Рациональность и власть». Вопросы социологии. Тематический выпуск. Из-во «Socio-Logos” М. 1996/

[17] Этому событию начала XYI века посвящена одна из классических работ Фридриха Энгельса.

[18] "…то, что в последние десятилетия предпринял, и с ложными целями, и только внешне достиг в Германии национал-социализм, а также то, что в Советской России удалось посредством воспитания превратить лишенного всякой активности, вялого мужика во взыскательного, деятельного, восприимчивого рабочего, показало, чего можно достигнуть в преобразовании человека при правильном подходе к молодежи и соответствующем воспитании" А. Вебер. Избранное: кризис европейской культуры. СПб., с. 511.

[19] Для осмысления травмы, оставшейся после нацистского режима и поражения Германии во второй мировой войне особое значение имеет немецкая литература о комплексе вины немцев (Schuldproblem), в том числе работа супругов Митчелрих Die Unfaehigkeit zu Trauern. Grundlagen kollektiven Verhaltens/ (Неспособность к печали). Munchen. 1967, 1977, 1991.

[20] «С одной стороны, английскому гению противно отвлеченное обобщение и смелая логическая последовательность, он своим скептицизмом чует, что логическая крайность, как законы чистой математики, неприлагаемы без ввода жизненных условий. С другой стороны, он привык физически и нравственно застегивать пальто на все пуговицы и поднимать воротник, это его предостерегает от сырого ветра и от суровой нетерпимости» Герцен «Былое и Думы» Часть 6-ая «Англия. , глава 3. Прибавление. М. Иностранная литература, 1982, с. 52. И еще; «В Лондоне надо много работать в самом деле, работать безостановочно, как локомотив, правильно, как машина, Если человек отошел на день, на его место стоят двое других, если человек занемог – его считают мертвым – все, от кого ему надобно получить работу, и здоровым – все , кому надобно получать от него деньги» Там же, гл. 7-ая, с. 138.

[21] Halsey A, H. A history of sociology in Britain: Science, Literature and Society. Oxford Un. Press. 2004. (СЖ. 2004, № 3-4, стр.218.)

[22] Один из немногих историков российской культуры, сумевший оценить действительную роль А. Герцена в становлении самосознания страны, был Исайя Берлин. См. ГЕРЦЕН И БАКУНИН О СВОБОДЕ ЛИЧНОСТИ\ Берлин И. История свободы. М. 2001.

[23] См. переиздание книги: Н. Бухарин «Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии» М.: Вече, 2008. Тираж 800 экз. Переиздание осуществлено по инициативе академика Г. В. Осипова.

[24] Канон получил название «История Всесоюзной Коммунистической партии

(большевиков)». См. в особенности: Гл. IY, пар. 2 «О диалектическом и историческом материализме». 302-е издание с научным послесловием Роя Медведева. М. «Логос» 2004. стр. 99-127.

[25] Этот процесс был проанализирован по свежим следам в работе Джорджа Фишера Fischer

G. (ed.) Science and sociology in Soviet society. Preface and part 1. Atherton Press NY, 1967. См. так же, E. A. Weinberg. Sociology in the Soviet Union and beyond. Social Enquiry and Social Change. Ashgate. 2004.

[26] За последние годы российская социология потеряла многих из тех, кто начинал социологические исследования в 60-е годы. В их числе Ю. А. Левада, Л. А. Гордон, Б. А. Грушин, В. Н. Кудрявцев. Но их дело не пропало. У каждого из них нашлись продолжатели в новых поколениях.